

ДЖОЗЕФ ГИС
ФРЭНСИС ГИС

КНИГИ
ДЖОЗЕФА И ФРЭНСИС ГИС
В СЕРИИ
«ГОРОДА И ЛЮДИ»

Жизнь
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАМКЕ

Жизнь
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

ДЖОЗЕФ ГИС
ФРЭНСИС ГИС

ЖИЗНЬ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ГОРОДЕ

Колibri
МОСКВА

Благодарность

Будучи историками-любителями, авторы выражают признательность четырем профессиональным историкам за бесценные критику и помощь: доктору Сильвии Л. Трапп; Элис Фримен Палмер, профессору истории Мичиганского университета; доктору Джону Ф. Бентону, профессору истории Калифорнийского технологического института; доктору Дж. Ли Шнейдману, доценту истории в Университете Адельфи, и доктору Питеру Ризенбергу, профессору истории Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Особенно многим авторы обязаны Джону Бентону, ведущему исследователю истории средневековой Шампани, который дал множество ценных подсказок, предоставил доступ к редкому материалу, а также прочел рукопись даже не единожды, но дважды.

Большая часть исследований производилась в двух крупнейших библиотеках: Библиотеке Стерлинга Йельского университета и Библиотеке Ньюберри в Чикаго.

Особую благодарность авторы приносят четырем людям, которые помогли «оживить» конструк-

Благодарность

ции готического собора: здесь имеются в виду Роуэн и Ирен Ле Конт, художники-витражисты, создавшие оконные композиции для Вашингтонского собора, а также Р. Т. Феллер и Джон Фанфани, руководитель и помощник руководителя строительных работ в Вашингтонском соборе.

И наконец, упоминания здесь достоин каждый из многочисленных французских граждан, чья помощь способствовала нашим исследованиям во Франции.

ападноевропейские города, в наше время столь устремленные в будущее, были рождены в Средневековье. К 1250 году они уже существовали и даже процветали не только на древних средиземноморских берегах, но и в Северо-Западной Европе. Последующее повествование является попыткой изобразить, как протекала жизнь в середине XIII века в одном из обретающих новую жизнь древних городов — в Труа, столице богатой исторической области Шампань, епископской резиденции и, прежде всего, месте проведения двух из знаменитых Шампанских ярмарок.

В давние времена, когда войска Юлия Цезаря располагались лагерем в Галлии и стояли биваком в Британии, немногие поселения в Северо-Западной Европе достойны были назваться городом. Упоминанию Лютеции (Парижа) нашлось место в «Записках» Цезаря, где описана ее гибель в огне. Но по большей части политический склад

здесь был слишком неразвит, торговля незначительна, а религия примитивна, чтобы способствовать возникновению на этих землях поселений значительнее деревни. Обширные территории оставались неосвоенными.

Римские легионы строили дороги, создавали рынок сбыта сельскохозяйственной продукции для местного населения и привечали торговцев в своих укрепленных лагерях. Одним из таких мест была небольшая деревушка, расположенная в месте слияния Сены и значимого военного пути — Агриппиевой дороги. Марк Аврелий возвел здесь башню, а следовавшие за ним императоры, в частности Аврелиан, нашли применение в качестве базы для войск. Подобно другим городкам, имевшим в основе военный лагерь, Трикасы постепенно обрели облик мирного поселения: солдаты гарнизона создавали семьи и заводили детей с местными девушками и оседали здесь после увольнения, обрабатывая земли за пределами лагеря или выполняя ремесленные работы в его стенах. Развиваясь из армейской базы в административный центр, городок обзаводился высокими каменными стенами и привлекал новых жителей: сборщиков налогов, чиновников, поставщиков армейского снаряжения, искусных мастеров и чернорабочих, в том числе военнопленных, пригнанных из глухих германских и фрисландских земель. В те годы Труа едва

ли мог бы соперничать не только с блестящими городами Южной Европы, но даже с Парижем, который уже к III веку мог похвастать тремя банями, ареной для театральных постановок и стадионом для конных бегов. В Труа, вероятнее всего, одни бани все же были, и в этом смысле он не отличался степенью благоустроенности от других северных городков.

Христианская церковь обеспечила мощный импульс для развития многих подобных городков на задворках северных территорий, несмотря на то что первые проповедники далеко не всегда с восторгом были приняты местным языческим населением и религиозными вождями. Те правители Труа, кто твердо держался веры отцов, — как и везде, таковых случилось немало — произвели целый ряд христианских мучеников. Но с тех пор, как церкви довелось причислить к своим сынам императора Константина, христианству был открыт путь и здесь. В IV и V веках епископства возникают во всех концах географической карты. Традиционным местом расположения епископской резиденции стал римский административный центр, выросший на месте бывшего лагеря легионеров. Новый церковный истеблишмент не мог обходиться без услуг и продукции местных крестьян и ремесленников. Для обозначения этих епископских городов возникло новое слово — *cité (city)*, производное от латин-

ского слова *civitas*, которым было принято называть обнесенное стенами поселение.

По мере того как Римская империя теряла уверенность, слабела власть и римских наместников, чем не медлили воспользоваться христианские епископы. К середине V века престиж имени епископа Труа был настолько высок, что, когда в окрестностях появились гунны, именно у него искали защиты все жители.

Лишь недавно город подвергся нападению вандалов; гунны же Аттилы имели репутацию еще менее дружелюбного народа. Епископ Лупус послал священника и семь служек умоливать врага, однако по несчастливому стечению обстоятельств эта миссия потерпела поражение. Напуганная белыми одеяниями служек, лошадь Аттилы вздыбилась. Предводитель гуннов, сочтя, что перед ним колдуны, убил делегатов на месте. Лишь одному молодому служке удалось спастись и передать эту историю.

Затем Аттила отбыл сражаться с римлянами, готами, бургундцами и франками, которые при его приближении немедленно прекращали воевать друг с другом, чтобы встретить нового врага. Получив отпор, Аттила со своим слегка потрепанным войском отправился на восток, и Труа вновь лежал у него на пути. Жители города вновь в ужасе обратили взор к епископу Лупусу. На сей

раз Лупус отправился к гуннам самолично и внезапно добился успеха. Атила пощадил Труа и, довезя епископа с собой до Рейна, с почестями отправил его домой. Вопреки проявленной дипломатической ловкости изначально Лупус был ославлен коллаборационистом и изгнан, но затем, по здравом размышлении, восстановлен в должности и канонизирован под именем святого Лупа.

К концу V века в Западной Римской империи воцарился хаос. Практически все города, старые и новые, большие и маленькие, с катастрофической неизбежностью приходили в упадок. Люди разбирали общественные постройки на камни и кирпичи, пуская их на ремонт собственных домов и укрепляя стены, осаждаемые ордами незваных чужаков. Торговля, уже давно стихшая по причине затяжного сельскохозяйственного кризиса, практически сошла на нет с бесконечным потоком мигрантов и захватчиков с севера и востока. Рост городков, подобных Труа, прекратился, и они остались в неопределенном положении наполовину военных, наполовину сельских поселений. Помимо суровых церковных построек — епископского дворца, базилики-собора, аббатства и пары небольших монастырей, — за стенами Труа укрывались от внешнего мира лишь несколько десятков невзрачных лачуг. Бóльшая

часть из занимаемых городом 16 гектаров была отдана под виноградники, огороды и пастбища.

И все же мародерствующие варвары оказались кое в чем полезны здешним городкам. Разграбив римские провинции, воинственные племена строили здесь собственные крепости для контроля земель, и их лагеря затем обычно вырастали в мини-столицы. Реймс, расположенный к северу от Труа, стал столицей франков, а Труа — вторым по значимости франкским городом Шампани. Предводитель франков Кловис (едва ли менее brutальный тип, чем Аттила) был побежден святым Реми, епископом Реймса, еще более эффективно, чем Аттила — святым Лупом из Труа. Когда святой Реми, призвав все свое красноречие, поведал Кловису историю мученичества Христа, Кловис воскликнул: «Вот бы мне оказаться там во главе моих доблестных франков!» — и принял крещение. Доблестные франки все до единого последовали примеру своего вождя.

В VI и VII веках церковь предоставила новый градообразующий источник — бенедиктинские монастыри. Новая институция быстро распространяла свое влияние, и где бы ни возникали ее общины — в городах или в чистом поле, они немедленно притягивали ремесленников, крестьян, поставляющих сельскохозяйственную продукцию, и торговцев. Так в баварских лесах воз-

ник «монашеский город» — Мюнхен. Во Фландрии бенедиктинское аббатство, выросшее в том месте, где становится судоходной река Аа, стало ядром будущего промышленного города Сен-Омер.

Для многих древних римских городов на средиземноморском побережье раннее Средневековье оказалось периодом в коммерческом смысле не менее успешным, чем времена Империи. Марсель, Тулон, Арль, Авиньон и другие прованские порты продолжали активно торговать с Восточным Средиземноморьем. Оттуда поступали папирус и специи, для которых создавали рынок сбыта бенедиктинские монастыри. Обратным рейсом прованские корабли часто везли рабов.

Положение дел изменилось к концу VII века. Внушающие тревогу военные успехи последователей Мухаммеда на Ближнем Востоке и в Северной Африке сопровождались изрядным расстройством налаженного порядка средиземноморской торговли. Современные ученые внесли поправки в тезис Анри Пиренна о том, что деятельность Мухаммеда стала причиной наступления Средневековья, отметив значимость и иных влияний. Но факт остается фактом: когда корабли мусульман появились в Западном и Центральном Средиземноморье, набеги и разграбления стали частым явлением и всем старинным рим-

ско-христианским торговым городам пришлось позаботиться о своей защите. Генуя, некогда оживленный порт, пришла в упадок и превратилась в рыбацкую деревушку. По берегам Северной Африки процветали новые города, над которыми развевалось знамя пророка: Каир, Махдия, Тунис. В древних греческих и римских портах под властью завоевателей закипела новая жизнь. В гавани Александрии, чей знаменитый маяк уже тысячу лет числился среди чудес света, верфи строили суда для новых хозяев — мусульман, их торговых дел и пиратского промысла, плоды которых сделали рынки Александрии крупнейшими в Средиземноморье. Лишь один христианский, но не вполне европейский порт мог бы называться даже более процветающим: Константинополь, столица Восточной Римской империи, стратегически расположенный на пересечении главных торговых путей с Востока, Запада, Севера и Юга. Но, за исключением окрестностей греческого Константинополя, морские пути практически были под властью мусульманских торговцев и рейдеров. В VIII веке их победное шествие достигло Испании и Балеарских островов и даже одного из уголков Прованса, откуда было чрезвычайно удобно совершать набеги на все древние города долины Роны. Один из отрядов, углубившись на север, напал и на Труа.

Нападения захватчиков и мародеров были для жителей городов времен раннего Средневековья привычной бедой. Не только всевозможные иноверцы, но и сеньоры-христиане и даже епископы вносили свою лепту в эту печальную традицию: Труа, к примеру, был разграблен епископом Осерским. Но абсолютными чемпионами среди тех, кто угрожал спокойствию жителей, стали появившиеся здесь в конце IX века викинги. К тому времени, когда эти отчаянные рыжебородые головорезы дошли из дальних северных земель до Труа, большинство европейских городов, включая Париж, Лондон, Утрехт, Руан, Бордо, Севилью, Йорк, Ноттингем, Орлеан, Тур, Пуатье, не избежали печальной участи испытать на себе их мощь; полный же список практически идентичен перечню географических пунктов Западной Европы того времени. Предводителем вторжения в Шампань был местный «джентльмен удачи» по имени Гастинг, прославившийся своей несравненной силой. В то время как некоторые викинги не упустили возможности осесть на юге Европы, Гастинг, напротив, отправился в Скандинавию, откуда, в духе подлинно норманнского образа жизни, стал водить своих «приемных» соплеменников в разорительные набеги на Нормандию, Пикардию, Шампань и в долину Луары.

Труа был разграблен дважды, а возможно, и трижды. Здесь, как и повсюду, непрекращающаяся агрессия породила сопротивление. Епископ Ансегиз, в духе короля Альфреда Великого и графа Одо*, собрал войско из местных рыцарей и крестьян, объединил силы с другими епископами и сеньорами и отважно сражался в решающей битве, наголову разбив викингов. Ренегат Гастинг, как раз заполучивший себе во владение славное поместье, купил примирение, уступив Шартр одной из вражеских коалиций под предводительством графа Вермандуа¹, основавшего впоследствии на камне сём могущественную династию.

Как ни парадоксально, нашествия викингов иногда, напротив, способствовали развитию городов. Нередко их добыча значительно превышала возможность доставить ее домой, и они распродавали излишки на месте. Таким образом, города, достаточно укрепленные, чтобы выстоять против их атаки, имели возможность нажиться на несчастной участи своих хуже укрепленных соседей. Викинги даже закладывали новые поселения, основывая

* *Альфред Великий* (ок. 849–899) — легендарный король Англии, объединивший англосаксонские королевства и успешно сражавшийся с норманнами. *Граф Одо* (ок. 858–898) — за блестящие успехи в сражениях с норманнами был провозглашен королем Франции. — *Примеч. ред.*